

Содержание

Предисловие	7
-------------------	---

Часть I. Мирная жизнь

Глава 1. Детство.....	13
Глава 2. Московский студент.....	21
Глава 3. Армия.....	27
Глава 4. Череда перемен.....	32
Лимитчик	32
Встряска	36
Снова студент.....	39
Назад в Карабах.....	41
Комсомол.....	43

Часть 2. КАРАБАХ.....

Глава 5. Начало освободительного движения.....	53
Сбор подписей за воссоединение с Арменией	53
Мирные выступления	58
Противостояние.....	64
Сумгаит	65
Глава 6. На грани войны.....	66
Конец иллюзий.....	66
Аркадий Вольский и его комитет.....	75
«Миацум»	79
Безопасность под вопросом	82

Глава 7. Партизанская война	90
Каратели	90
Друзья и враги	96
Операция «Кольцо»	106
Глава 8. Между эйфорией и отчаянием	109
Посредники	109
Референдум	116
Вывод советских войск	117
Жизнь под обстрелами	121
Выборы в парламент	126
Комитет самообороны	130
Штурм Ходжалу	135
Мой брат	143
Взятие Шуши	147
Прорыв блокады	156
Теряем Карабах	161
Глава 9. Перелом в ходе войны	169
Создание Государственного комитета обороны	169
Первые успехи	173
Кельбаджар	179
Агдам	191
Тайная встреча с Гейдаром Алиевым	196
Безрезультатные переговоры	198
Владимир Казимиров	203
Примаков и обмен пленными	205
Аркадий Гукасян	208
Перемирие, ставшее миром	209
Глава 10. От войны к мирному строительству	217

Часть III. АРМЕНИЯ

Глава 11. Из президентов в президенты	231
Новый вызов	231
Глава правительства	238

Отставка Тер-Петросяна	247
Президентские выборы 1998 года	265
Глава 12. Выбираемся из экономических окопов	276
Решение острых проблем в экономике	276
Консолидация политических сил. Выборы в парламент	288
Глава 13. Теракт в парламенте 27 октября	298
Утро	298
Катастрофа	299
Операция по обезвреживанию террористов	301
За кулисами	311
Политические последствия теракта	314
Глава 14. Начало глубинных реформ	325
Консолидация правительства	325
Системные изменения	326
Не экономикой единой	330
Глава 15. В шаге от мирного договора	336
Встречи с Гейдаром Алиевым	336
Ки-Уэст – мирный договор, который не был подписан	343
Ильхам Алиев	349
Глава 16. Политические противостояния – политические союзы	352
Снова выборы	352
Коалиционное правительство	362
Глава 17. Качественный рывок в развитии экономики	366
Планы	366
Кирк Керкорян	370
Северный проспект	373
Зона бедствия	378
Аэропорт, виноделие и Эдуардо Эрнекиян	385
Цахкадзор	390
Строительство газопровода Иран – Армения	393

Глава 18. Внутренняя политика	402
Конституционная реформа	402
Перекройка правительственной коалиции	405
Глава 19. На пересечении интересов	412
Немного о США.....	412
Отношения с Россией. Владимир Путин	417
Отношения с Турцией	423
Отношения с Церковью и религией.....	427
Глава 20. Образ жизни и стиль работы	431
Глава 21. Осознанное решение уйти из политики	439
Серж Саргсян и РПА.....	440
Выбор преемника.....	441
Глава 22. Трагические события 2008 года	445
Попытка возвращения Тер-Петросяна.....	445
Стояние на Театральной площади	451
Столкновение	459
Расследование и причины трагедии	465
Глава 23. Другая жизнь	470
Мысли вслух.....	470
Постпрезидентская реабилитация.....	472
P.S.	481
P.P.S.	484
Примечания	487
Именной указатель	498

Предисловие

Армяно-азербайджанский конфликт вокруг Нагорного Карабаха стал одним из первых предвестников распада СССР. Слабеющая центральная власть явно не справлялась с экономическими проблемами, а «перестройка и гласность» катастрофически быстро разрушали систему управления страной. Власть оказалась не способна предложить обществу что-то новое, привлекательное и мобилизующее. Страна, которая опиралась на сверхцентрализацию и была скреплена идеологией, стремительно теряла ориентиры. Несмотря на это, угроза целостности Советского Союза стала реальной и необратимой лишь тогда, когда начался разлом по самому уязвимому месту — по этническому признаку.

В эти драматичные времена я оказался в эпицентре армяно-азербайджанского конфликта и стал одним из главных действующих лиц. Митинги, забастовки, чрезвычайное положение, комендантский час, вооруженные формирования, этнические столкновения, стычки с войсками, война — все эти события впервые в Советском Союзе произошли в Нагорном Карабахе и вокруг него. Жизнь показала, что у нас в Карабахе не было другого выбора: мы отчаянно отстаивали наше право жить на земле своих предков. Будучи партийным работником, я сразу же стал одним из лидеров карабахского движения, занимался как его политической составляющей, так и формированием вооруженного подполья — основы будущей Армии обороны НКР. Лето 1992 года, когда половину Карабаха оккупировали азербайджанские войска, оказалось для нас самым трагическим. Сложилась опаснейшая ситуация, и тогда я предложил модель кризисного управления, адекватную нависшей над нами угрозе потери Карабаха. Взял ответственность на себя, создал

и возглавил Государственный комитет обороны — высший орган власти Республики с чрезвычайными полномочиями. Успех был ошеломляющий! За неполные два года нам удалось не только вернуть контроль над всем Карабахом, но и создать вокруг него надежный пояс безопасности.

Сразу после войны меня избрали первым президентом Нагорного Карабаха. Однако в 1997 году случился неожиданный поворот судьбы, и я стал премьером, а затем и Президентом Армении в критический период ее развития. Конфликт с действующим президентом, вызвавший его отставку, внеочередные выборы, потрясший страну теракт в парламенте... Это были чрезвычайно трудные годы как преодоления кризисов, так и созидательной работы и успешных реформ, во многом изменивших облик Армении. За десять лет моего президентства ВВП Армении вырос в пять раз! Мне посчастливилось поработать премьером и президентом в двух странах, признанной и непризнанной, причем в самые насыщенные событиями годы их становления. Так что мне действительно есть о чем рассказать.

Писать книгу я не собирался, хоть и понимал, что моя биография уникальна и может быть интересной. Просто не думал, что когда-нибудь возьмусь рассказывать о своем жизненном пути. Вести дневник у меня привычки не было, в воспоминания погружаться не любил, старые альбомы не листал — словом, в прошлом не застревал. Всегда был занят делами, смотрел вперед и строил планы на будущее. Сразу после ухода в отставку многие уверяли меня в том, что я непременно должен заняться мемуарами, но сам я не ощущал в этом необходимости. Впервые я задумался о книге после двух встреч за пределами Армении, куда был приглашен спикером. Меня приятно удивил и вдохновил живой интерес аудитории к событиям, о которых я рассказывал. Многие участники встречи спрашивали, почему я до сих пор не написал книгу — ведь она получилась бы очень интересной. Но окончательное решение я принял, познакомившись на стратегической сессии АФК «Система» на Алтае с Марком Розиным¹. После интервью, которое Марк брал

у меня как у независимого члена совета директоров компании, он заговорил о книге и сказал, что я обязательно должен ее написать. Тогда я подумал, что мне действительно стоит поделиться с людьми историей моей жизни.

Признаюсь, что когда я начал работу над книгой, то сильно пожалел о своем решении. Но отступить было поздно, никогда и ничего в жизни я не оставлял на полпути. Погружение в прошлое, особенно в его карабахский период, стало тяжким испытанием. Много, казалось, уже безнадежно забыто. Пришлось перечитать все мои старые интервью, посмотреть сохранившиеся видеозаписи, провести множество встреч и бесед с участниками событий тех лет. Поразительно, как откуда-то из глубин памяти вдруг стали всплывать живые картины того, что случилось давным-давно! Даже лица людей, о существовании которых вроде бы позабыл, их имена и связанные с ними переживания! Всю жизнь я настойчиво и весьма успешно тренировался контролировать эмоции. Работая над книгой, я заново учился раскрепощать их — и это оказалось лучшим способом высвободить похороненные в недрах памяти образы.

Мне хотелось, чтобы книга получилась интересной, а не просто описывала исторические события, в которых я участвовал. Хотелось показать канву истории и ту нить, которую мы вплели в нее, — рассказать о том, почему мы поступали так или иначе, что нас беспокоило, что нам мешало, а что помогало и вдохновляло. Впервые раскрыть закулисные подробности самых драматичных отрезков нашей новейшей истории.

Вначале я думал написать обо всем, что происходило в те захватывающие годы, а также назвать имена всех, с кем мы прошли тяжелейший путь как в Карабахе, так и в Армении. Но от обилия фактов книга теряла динамику, становилась слишком грузной, академичной и неудобочитаемой. В итоге я решил рассказать только о самых важных событиях, в которых участвовал.

Я благодарен всем, с кем работал, общался и дружил, и приношу извинения тем, чьи имена не прозвучали в книге.

ЧАСТЬ I

МИРНАЯ ЖИЗНЬ

ГЛАВА 1

ДЕТСТВО

Я родился и вырос в Степанакерте — маленьком городке, центре Нагорного Карабаха, или Арцаха, как его называют у нас. Когда я возвращаюсь мыслями в детство, мне вспоминается уютный, очень чистый, зеленый и ухоженный город, спрятанный в горах от всего мира.

Говорят, что через два года человек забывает многое из того, что с ним случилось, кроме самого хорошего или плохого. Единственная детская трагедия, о которой я помню до сих пор, — смерть нашей собаки: Джульбарса сбил автомобиль. Все остальные воспоминания овеваны сказочной теплотой, и моя память хранит множество ярких и радостных картинок.

Очень хорошо помню, как впервые сам поплыл. Было мне тогда лет шесть. Мы с братом купались в небольшом озере недалеко от дома, сначала я барахтался у берега, а потом, незаметно для себя, забрался глубже, где ноги не доставали до дна. Вдруг чувствую, вода меня подхватывает и держит, я делаю движения руками и — по-собачьи, конечно, — но плыву! Тем же летом научился ездить на двухколесном велосипеде, и это тоже получилось легко, само собой: р-раз — и вот я уже несусь вместе с мальчишками по пыльной дороге. Способность сохранять равновесие и страсть к скорости остались у меня на всю жизнь.

До сих пор помню в деталях первую поездку к Черному морю всей семьей на нашем «москвиче». Ночевали мы в палатках прямо на берегу, в кемпингах. И конечно, самое сильное впечатление — море. После наших горных речек оно казалось таким теплым, что

из воды нас было не выгнать. Тогда я и научился неплохо нырять в маске с трубкой.

Жизнь ребятни в те годы проходила на улице. Летом мы просыпались рано, мчались на речку и проводили там весь день: купались, рыбачили, играли. Большинство наших игр сегодня никто не помнит, они давно исчезли. Я очень любил походы и часто, прихватив палатку, уходил в горы — с друзьями или братом. Наше знаменитое Шушинское ущелье я изучил вдоль и поперек — знал все тропинки и укромные места, облазил все пещеры и запросто мог заночевать в горах и без палатки.

Зимой главным развлечением становились коньки и лыжи. Как мы с друзьями радовались снегу! Горных лыж, конечно, тогда еще ни у кого не было, мы брали широкие солдатские, придумывали приспособления, чтобы закрепить пятку, забирались повыше и неслись вниз.

Снега выпадало много, он долго не таял, и все дороги в городе превращались в сплошной каток — соль тогда не сыпали. Городским автобусам, чтобы они не буксовали, на колеса наматывали цепи. Пока автобус, пыхтя, медленно поднимался в верхнюю часть города, мы, мальчишки, надев коньки, цеплялись к нему сзади, а потом скатывались по улицам. Коньки моего детства, «снегурки», сильно отличались от современных: просто два стальных полоза, которые привязывались веревками к обычным ботинкам.

Наша семья жила в каменном доме, который сложил еще мой дед. Я помню, как мы каждое лето красили суриком жестяную красную крышу, чтобы она не ржавела. Несколько раз дом достраивали: изначально внутри была лишь одна комнатка, но со временем он постепенно расширялся — появились еще две комнаты, веранда и подвал. До сих пор ясно вижу висящие на стенах старые фотографии — дедушка, бабушка, прадедушка. Мне, ребенку, дом казался громадным. Увидев его через много лет, я удивился: какой он, оказывается, маленький. В войну дом уцелел, а потом его снесли — не так давно я обнаружил на этом месте стройку. Пропал и сад, который начал сажать еще дед.

Сад был большой радостью и гордостью отца. Выдающийся агроном, он очень любил свое дело. Три громадных тутовых дерева примыкали прямо к дому, и мы, дети, постоянно лазали по ним. И конечно, ели сладкую спелую шелковицу. Взрослые из этих ягод делали сироп. И водку. Я до сих пор если и пью водку, то обычно тутовую.

Мы жили вшестером: родители, бабушка, мой брат Валера, я и наша сестра Ивета, дочь отца от первого брака, тогда уже студентка. После вуза она осталась работать в Армении, а потом и вообще уехала в Москву, вышла замуж.

У нас с Валерой была своя комната — одна на двоих. При небольшой разнице в возрасте, всего два года, в детстве мы с ним частенько дрались — из-за ерунды, конечно: я, младший, ершился, ни в чем не желая уступать брату. А потом Валера вдруг вырос, стал большим, мощным, повзрослел, почувствовал силу, и в этот момент наши отношения переменялись. Драки закончились, и началась дружба, которая длилась всю жизнь.

Существовали у нас и свои семейные тайны. Одну из них — историю моего отца — я узнал, только уже став взрослым.

Дед с семьей жил в Баку. Когда в 1918 году в Баку вошли турки и начались погромы армян, отец потерялся. Восемилетний мальчик, с толпой убегающих он оказался на пароме и переправился через Каспий в Среднюю Азию. Революция, гражданская война, власти нет, везде беспорядки, но мои дедушка и бабушка с дочерьми выжили и добрались до Карабаха. А отец долго скитался бездомным и в конце концов, неизвестно как, оказался в Ташкенте. И тут ему повезло: его и других таких же, как он, беспризорников, приютил состоятельный армянин. Дети работали на него, а армянин их кормил и даже отправил в школу. В общем, спас детей.

Бабушка все эти годы не теряла надежды найти своего сына. В стране постепенно восстанавливался порядок, начала работать почта. И бабушкин брат, ставший большим человеком в милиции — он руководил подразделением по борьбе с бандитизмом, — сумел разыскать пропавшего шесть лет назад ребенка в Ташкенте

и привезти его в Степанакерт. Отцу к этому моменту уже исполнилось четырнадцать. Бабушка стыдилась случившегося: как же она могла потерять сына? — и запрещала отцу рассказывать об этом. Никто и не знал. Хотя, конечно, отголоски этой истории слышались то тут, то там. Например, каждый год к нам в гости приезжал папин близкий друг из Ташкента. «Что за друг? Откуда в Ташкенте друг?» Папа не отвечал, и лишь потом выяснилось, что они в детстве вместе работали у того самого армянина.

Еще одна тайна касалась моего деда.

Я его никогда не видел: он умер до моего рождения. Однажды я совершенно случайно, в деревне, столкнулся с человеком, который сказал, что хорошо знал моего деда, деранца* Саркиса. Я спросил, почему он называет деда «деранц». «Как же! — говорит. — Твой дед был последним священником в нашем районе!» Когда дед вернулся в Карабах, спасаясь от погромов, ему, как знавшему грамоту, предложили стать священником: грамотные тогда встречались редко. Дед согласился и служил до конца 20-х годов, пока не закрыли последнюю церковь. Отец же вырос убежденным коммунистом, но в партию его долго не принимали: происхождение неправильное. Папа очень переживал и даже много лет спустя очень неохотно обсуждал с нами эту тему.

Бабушка по отцу отличалась суровым характером — я не помню, чтобы она когда-нибудь улыбалась. Вдова священника, бабушка не верила в Бога. Мы с братом иногда подшучивали над ней: «Бабушка, а нам в школе сказали, что Бог есть!» Она только отмахивалась и просила нас не говорить ерунды. Хотя бабушка никогда и не наказывала нас с братом, слушались мы ее беспрекословно, видимо ощущая ее внутреннюю силу и жесткость. У бабушки было трое детей: старший сын — мой отец — и еще две дочери. У одной дочки муж погиб во время Отечественной войны, и она жила вдвоем с сыном в Баку, а младшая со своей семьей — в Степанакерте

* «Деранц» — в переводе с карабахского наречия армянского языка — человек из семьи священнослужителя.

недалеко от нас. Умерла она рано и внезапно, когда я уже служил в армии, а ровно через год после ее смерти бабушка наглоталась снотворного — хотела наложить на себя руки. Когда бабушку откачали, она объяснила: «Я не должна была пережить свою дочь».

Взрослые в нашей семье никогда не ссорились, голоса на детей не повышали. Мама со свекровью жили мирно. Может, выясняли отношения, когда дети не видели? Думаю, нет: наши будни ничем не омрачались. Дом полностью держался на матери. Волевая, в меру строгая и практичная, она определяла внутренний домашний распорядок, вела семейные расходы и занималась нашим воспитанием. На ней лежала ответственность за все, что касалось учебы детей. Мой старший брат, помню, тяжело вставал по утрам. Я-то просыпался сам еще до будильника, а вот Валеру приходилось долго торموшить. Мама его будит, а брат сонно бормочет: «Ну мам, ну еще минуточку... ну еще секундочку...» Вот тут у мамы могли появиться и жесткие нотки в голосе.

А основным источником моих конфликтов с матерью служили занятия музыкой. Ее дальний племянник хорошо играл на скрипке, и мама мечтала, чтобы я тоже научился музицировать. В первом классе она отправила меня в музыкальную школу, я же страшно стеснялся скрипки и сильно ее возненавидел. Когда шел по улице с футляром, уши горели, хотелось провалиться сквозь землю. Два года я промучился, а на третий нашел решение. Выхожу будто бы на занятия, а сам незаметно, чтобы прохожие не увидели, прячу футляр в самшитовые кусты и бегу гонять с ребятами в футбол. Поиграю, заберу скрипку — и как ни в чем не бывало возвращаюсь домой. Пару месяцев я так прогуливал музыку, пока учительница не позвонила родителям. Тут моя тайна раскрылась, и дома разразился страшный скандал. Мама хотела вернуть меня в школу, но я отказался. Наотрез. Уже научился сопротивляться. Мама уступила, но взялась за брата. Валеру она отдала учиться на фортепиано. Он бросил. Тогда мама упростила его заниматься кларнетом — та же история. В общем, мать не сдавалась, мы тоже, и музыкантов из нас так и не вышло...

И все же главным в семье был отец. Помню, что с работы он приходил поздно и часто ездил в командировки. Отец увлеченно занимался сельским хозяйством и отвечал за него в масштабах всей области; успешное развитие виноградарства в Карабахе — это его заслуга. Кроме того, отец много лет занимал должность заместителя председателя облисполкома и при всей своей невероятной нагрузке успевал вести научную работу. После защиты кандидатской он остался в нашем городе, что было довольно необычно по тем временам: люди, получившие ученую степень, чаще всего уезжали в столицы — в Баку или Ереван. А отец верил, что он нужен здесь, в Нагорном Карабахе. В этих горах он, агроном, создавал город-сад, строил коммунизм, в идеи которого искренне верил всю свою жизнь.

Из-за работы отец не часто мог возиться со мной, но постарался дать мне главное, что, по его мнению, должен уметь мужчина. Помню, как он научил меня водить машину. У нас был старый «москвич», кажется, 403-й модели, с округлыми формами. Мне тогда только исполнилось тринадцать лет, и я был невысоким. Папа посадил меня за руль и говорит: «До педалей досташь?» — «Достаю». — «Дорогу видишь?» — «Вижу». — «Ну, поехали». И я поехал.

Отец же впервые дал мне в руки ружье — одностволку, шестнадцатый калибр. Сначала мы стреляли по самодельным мишеням, нарисованным на фанере или картоне, а потом отправились на охоту в горы. Помню, как я гордился собой, когда в первый же раз подстрелил куропатку. Вскоре отец разрешил мне самому брать ружье, а потом и вовсе отдал. Ни у кого из мальчишек в нашем дворе своего оружия еще не было. Мы собирались с пацанами и с этим ружьем — одним на всех — шли в горы охотиться.

Учился я в русской школе, и учился хорошо. Неважно, нравился мне предмет или нет, но прийти на урок неподготовленным казалось немислимым. Я представить себе не мог большего позора, чем беспомощно стоять у доски, не зная, что ответить. Я вообще был быстрым и дисциплинированным: пришел из школы, сделал в два

счета все уроки — и свободен. Математика, физика мне давались легко, любил географию и литературу. Языки шли гораздо хуже, в том числе русский: сочинения я писал хорошие, но ошибки сажал... А единственные два предмета, к которым меня в школе совсем не тянуло, — армянский и английский. И жизнь, как нарочно, заставила меня выучить их уже взрослым. Как я пожалел, став премьер-министром Армении, что часто пропускал уроки армянского! В школе я и не догадывался, что он мне так сильно понадобится: наш карабахский диалект здорово отличается от армянского языка, и в Армении его понимают плохо.

Центром нашей жизни был двор.

Частный дом, в котором мы жили, примыкал к большому многоквартирному, и в его просторном дворе каждый вечер собирались соседи — взрослые, старики, дети. Все хорошо знали друг друга и проводили свободное время вместе как одна большая семья. Помню беседку посреди двора, в которой взрослые непрерывно сражались в нарды и в шахматы, подтрунивая друг над другом, а мы, дети, носились вокруг. Помню, как в ответ на очередную остроумную шутку кого-нибудь из игроков беседка взрывалась дружным хохотом, и этот хохот, отраженный от стены дома и усиленный эхом, докатывался до самых дальних уголков двора. А поскольку подтрунивали все надо всеми постоянно, то и смех не умолкал ни на минуту. Словом, атмосфера во дворе царила дружелюбная и веселая.

Наш двор считался элитным. В большом доме жили начальник областной милиции, начальник народного контроля и несколько работников обкома партии. Да и в целом народ подобрался интеллигентный: читали книжки, занимались спортом. Рядом находилась школа со спортивной площадкой, и мы играли там в футбол, в баскетбол, в ручной мяч — он тогда пользовался большой популярностью. Бывало, конечно, и так: не поделим что-то во время игры, поссоримся и подеремся, но эти происшествия не разрушали нашу дружбу. Ниже по улице попадались хулиганистые дворы, и иногда ребята оттуда приходили к нам на площадку поиграть в футбол: то дружно играли, то дрались двор на двор. Но серьезных стычек

Часть I. Мирная жизнь

не случалось — просто иногда махали кулаками от избытка сил и азарта.

В общем, детство мое прошло безоблачно и счастливо, как и у большинства карабахцев моего поколения. Наверное, я страстен, но я и сейчас уверен, что наш край был особенным. Вокруг — и в Азербайджане, и в Армении, и на всем Кавказе — процветало взяточничество, пользовались авторитетом воры в законе. А Карабах оставался оазисом законности и порядка, слово «взяточник» воспринималось как самое страшное оскорбление, и люди всерьез считали, что строят коммунизм. Видимо, идея о всеобщем равенстве и братстве оказалась созвучна традиционным ценностям, на которых воспитывались многие поколения карабахцев, и мечта об идеальном обществе прижилась на нашей земле. Жители Нагорного Карабаха, добропорядочные советские граждане, искренне верили в светлое будущее.

Так мы и жили — просто и спокойно, и казалось, никакие потрясения не потревожат наш тихий и уединенный край — лишь поколения будут сменяться поколениями.

МОСКОВСКИЙ СТУДЕНТ

В десятом классе я точно знал свой следующий шаг: поеду в Москву и буду поступать в технический вуз. Дальше не заглядывал: вся остальная жизнь казалась чистой страницей, на которой можно написать любую историю. Технический вуз я выбрал потому, что естественно-научные дисциплины мне нравились гораздо больше, чем гуманитарные. Москву — потому, что единственным институтом в Степанакерте был педагогический, и я его вообще не рассматривал как вариант. Если ребята из Степанакерта хотели получить хорошее образование, чаще всего они ехали в Ереван или Москву. Уехать учиться в другую страну тогда было невозможно: границы закрыты, лучшее образование в Советском Союзе — в Москве, значит, мой путь лежит в Москву.

Сдав школьные экзамены за десятый класс на отлично, я собрал чемодан и отправился в столицу. В Москве меня встретила сестра — она жила с мужем в Реутове. На время экзаменов я поселился у них. На следующий день поехал подавать документы в Московский энергетический, смотрю — все столбы вокруг института пестрят объявлениями: репетиторы предлагают свои услуги. Оказывается, у москвичей совсем другая подготовка! У нас-то даже и слова такого — «репетитор» — не существовало. Считалось, что достаточно просто хорошо учиться в школе. Стало быть, надо наверстывать! До экзаменов еще оставалось время. Я нашел себе репетитора по математике, договорился о занятиях и с головой погрузился в подготовку. Так что первые две недели жизни в Москве запомнились мне как кошмар кругло-точной учебы.

Вопреки своим опасениям, я неплохо сдал экзамены и поступил на факультет энергетики. Позвонил отцу. Сотовой связи тогда не было — чтобы позвонить в другой город, нужно было идти на почтайт, заказывать звонок, причем заранее говорить телефонистке, на сколько минут разговор, и сидеть ждать соединения. Отец, услышав, что я стал студентом, обрадовался. Несмотря на присущую ему сдержанность, я почувствовал: он гордится тем, что его сын будет учиться в столице.

Только теперь я впервые поднял голову и осмотрелся. Мне уже доводилось бывать в Москве раньше, классе в седьмом или восьмом, но это была совсем короткая поездка, и я тогда мало что запомнил. Теперь же меня, парня из небольшого горного городка, Москва впечатлила по-настоящему: иные масштабы, атмосфера, метро с его подземными дворцами, совершенно другой народ. Потерянным я себя не ощущал — радовался, гордился, наслаждался летом, целыми днями бродил по городу, впитывая дух столицы.

С осени начались занятия в институте. Учиться оказалось легче, чем я ожидал, но и не так уж увлекательно. Может быть, потому, что в моей жизни появился очень интересный и образованный человек, настоящая живая энциклопедия — муж моей сестры Ким Григорян. Человека такой эрудиции я никогда не встречал прежде — да, наверное, и до сих пор. Ким тоже был родом из Степанакерта, окончил текстильный институт в Москве. Возглавлял конструкторское бюро на каком-то большом заводе. Я поселился в студенческом общежитии в Лефортово, но почти все выходные проводил в Реутове, у Кима и моей сестры. Именно в этой маленькой квартирке и началось мое неформальное образование.

Вечера мы с Кимом просиживали на кухне. Он говорил непривычные вещи. Я вырос в семье, где справедливость и эффективность советского строя никогда не подвергались сомнению. Обычный советский мальчик, сын коммуниста, я считал, что живу в лучшей стране в мире. И вот день за днем, вечер за вечером Ким показывал мне реальность. Я узнал про репрессии Сталина,

узнал про миллионы людей, умерших от голода во время коллективизации, узнал про арестованных перед самой войной красных командиров, узнал о тайном сговоре Сталина и Гитлера, решивших разделить Европу.

Ким не был деятельным диссидентом — он просто очень трезво мыслил и бескомпромиссно критиковал существующий строй. Мало кто в Союзе тогда понимал, каким страшным на самом деле был режим Сталина и каким затхлым — брежневское время. Во мне Ким нашел благодарного и, вероятно, редкого слушателя и обрушивал всю эту правду на меня. А глубоко ночью, устав от долгих разговоров, мы вместе ловили сквозь шум глушилок «Радио “Свобода”» или слушали джаз.

С собой Ким давал мне книги. Не самиздат, а политическую, философскую, богословскую литературу — но она тоже меняла сознание.

Началось с «Богословско-политического трактата» Спинозы. Никогда прежде я не читал ничего подобного. Было очень сложно, но безумно интересно. После этой книги мир раскрылся передо мной по-новому, я поверил, что только общественный договор, основанный на разуме и добровольно принятый людьми, способен обуздать страсти и пороки отдельного человека. С советской действительностью подобные идеи не имели ничего общего, но тогда я и не пытался увязывать их между собой, а просто впитывал в себя. Хотя, возможно, десятилетия спустя, когда уже стал президентом постсоветской Армении, на многие из моих решений исподволь влияла эта, написанная в XVII веке, книга, которую я прочел в 17 лет.

Однажды Ким подарил мне Библию. Это была маленькая карманная книга в гибкой обложке, которая содержала тысячу страниц — само по себе уже маленькое чудо. Прочитал я ее бегло, не до конца понимая, зачем мне это. Верующим, конечно же, не стал, но тот идеологический каркас, который тогда встраивали в каждого из нас, пошатнулся: Библия выглядела человечнее морального кодекса строителя коммунизма, висевшего в коридорах каждой школы как наглядная агитация.

Хотя беседы с Кимом и книги стали для меня в тот год мощным потрясением, я не превратился в философа или диссидента. К учебе, правда, охладел — технические дисциплины не давали ответа на философские вопросы, а такие вопросы приходили мне в голову все чаще. У меня появилось ощущение, что, может быть, я неправильно выбрал вуз, но продолжал заниматься и неплохо сдал первую зимнюю сессию. И еще успевал при этом жить полноценной студенческой жизнью — у меня появились друзья, мы вместе гуляли по Москве, ходили в кино, в кафе — развлечений и соблазнов, отвлекающих от учебы, в столице хватало. Среди студентов почему-то очень популярна была «Метелица» на Калининском (теперь это Новый Арбат) — набеги туда считались высшим шиком. По субботам заглядывали на дискотеку в нашем общежитии. Одна из дискотек стала поворотной точкой в моей студенческой жизни.

Как-то в конце мая, прямо перед сессией, на дискотеке появился незнакомый нагловатый парень. Вел он себя вызывающе — полагал, что вправе делать что угодно, и явно напрашивался на конфликт. Я вспылил. Друзья пытались меня остановить, говорили, что он чей-то сынок — мол, не связывайся лучше, отойди... Я не отошел, и дело кончилось дракой. Я его ударил, и, как оказалось, сильно. Ничего не повредил, не сломал, но фонарь под глазом поставил большой. Сам я этой истории особого значения не придал: подумаешь, всякое бывает — помахаться, потом остынешь, и даже подружиться можно.

Через день меня вызвали в деканат. Потребовали написать объяснительную, грозили отчислением. Я неумело оправдывался: «Он сам лез...» Оказалось, что этот парень — родственник кого-то из институтского начальства, поэтому инцидент на дискотеке внезапно стал предметом чрезмерного внимания. Сразу меня не исключили, пожалуй, только потому, что уж слишком очевидна была вина этого парня: он был изрядно выпившим и сам спровоцировал драку. Но история тянулась, в деканат мне приходилось ходить снова и снова, отношения с руководством факультета сильно

испортились, и мой интерес к учебе, и без того слабый, на этом фоне угас вовсе. Родителям рассказать об этом происшествии я не мог категорически, с сестрой и Кимом тоже почему-то не поделился.

В конце концов я сказал декану, что переведусь в другой институт, и попросил дать мне возможность уйти по собственному желанию. На этом и договорились.

Снова настало лето, еще один июнь. Год назад я приехал в Москву, сдал экзамены, увидел себя в списке зачисленных и позвонил отцу сказать, что стал студентом. Отец так гордился своим сыном... Теперь я держу в руках документы об отчислении. Сам уход из института меня не особо расстроил, но мне было невыносимо стыдно перед отцом, и я долго откладывал разговор с ним. Я понимал, что для него эта новость станет настоящей трагедией.

Но дальше тянуть было некуда, и я пошел на почтамт.

Протягиваю девушке бумажку с нашим домашним номером телефона, сажусь и жду соединения. Время ползло невыносимо. Минуты казались часами. И вот, наконец, далеко в трубке, через помехи и треск я слышу радостный голос отца — сын звонит!

— Папа, я ушел из института.

Отец ошеломлен неожиданной новостью.

— Почему? Что случилось?

Я мучительно пытаюсь подобрать ответ: про конфликт рассказать не могу, а в то, что я не справился с учебкой, отец не поверит — я всегда был отличником.

— Не сложилось. Не хочу больше учиться. Пойду в армию.

Отец молчит. Он не знает, что сказать.

— Поеду в Харьков.

В Харькове жили родные братья матери. Домой я ехать не мог — не знал, как посмотреть отцу в глаза.

Месяц я проболтался в Харькове и вернулся в Степанакерт. Я видел, что отец расстроен, но расспрашивать меня он ни о чем не стал. Я тоже всячески избегал разговоров о прерванной учебе.

Устроился слесарем-сборщиком на электротехнический завод. Пять дней работал, а на выходные с друзьями уходил в горы, часто

Часть I. Мирная жизнь

с ружьем. Наступившая осень, невероятно живописная в Карабахе, раскрашивала горы разноцветьем ярких красок. Иногда даже охотиться не хотелось, чтобы не нарушать царящие здесь мир и тишину, и я просто бродил по горным тропам. Московское студенчество отступало все дальше в прошлое и потихоньку забывалось.

АРМИЯ

Никаких планов на будущее я не строил, ждал призыва в армию. У всех моих друзей была повестка на 9 ноября, и я хотел призываться с ними — в надежде, что мы попадем служить вместе. Но обо мне в военкомате забыли: я ведь уезжал на учебу, и, видимо, мои учетные документы где-то задержались. Пришлось просить отца помочь. Отец позвонил военному, которого хорошо знал: так мол и так, сын срочно, прямо сейчас, хочет служить. Военком страшно удивился, говорит: «Вы первый человек, кто мне звонит для того, чтобы сына поскорее в армию взяли! Обычно просят не забирать или призвать попозже!» Просьбу отца он выполнил, и сразу после ноябрьских праздников я ушел в армию.

Попал я в железнодорожные войска, о существовании которых раньше даже не подозревал. Решил, что, наверное, мы будем разъезжать из конца в конец страны по железной дороге, выполняя военные задачи. А оказалось, что нам предстоит строить эти самые железные дороги, по которым разъезжать будут другие. Отличие от стройбата заключалось лишь в том, что в железнодорожных войсках за работу ничего не платят... Романтика армейской службы исчезла сразу же.

Сначала была учебка в Череповце. Город запомнился мне только трубами металлургического комбината. До горизонта — сплошные трубы, трубы, трубы, и каждая дымит своим цветом, от оранжевого до черного. Пошел снег — и на следующий день он весь разноцветный, раскрашенный сажей из этих труб. В учебке собрались группы из разных республик, разных регионов страны; нас, карабахцев, там оказалось человек десять, и среди них — никого из моих друзей.

Учебка — это явление особенное. Множество парней одного призыва попадает в непривычные условия, где они должны понять и прочувствовать, что такое воинская служба. Отчасти это понимание происходит через процесс притирки и выстраивания внутренней неформальной иерархии, а именно: кто будет спать на нижнем и кто на верхнем уровне двухъярусной кровати или кто из напарников будет в наряде отвечать за чистоту туалетов. Туалеты чистить мне совсем не хотелось.

Именно здесь я глубоко осознал суть «естественного права» из «Политического трактата» Спинозы. Единственным инструментом самоутверждения стали кулаки и постоянная готовность их применить. Я был в хорошей форме, годы занятия вольной борьбой оказались очень кстати, а воли и духа хватало через край. Непонятно откуда появились дерзость и агрессия, которых я в себе никогда не замечал. Очень скоро меня все стали уважать. Парень, выросший в интеллигентной семье, в спокойном городе, в элитном дворе, вдруг оказался в обстановке, где за место под солнцем надо бороться жестко и беспощадно. Я столкнулся с той частью реального мира, от которого был защищен в детстве и юности, и этот период стал очень важным этапом моего становления. Я приобретал навыки поведения в недружелюбной, а порой и чрезвычайно агрессивной среде. Возможно, без них я не прошел бы те испытания, которые судьба мне уготовила в будущем.

Из учебки меня направили сначала в Пушкино под Ленинградом, затем в Вологду. Везде была одна и та же история: притирка и самоутверждение, но проходили они уже гораздо проще.

Вообще такую службу в армии трудно назвать воинской: на стрельбище я побывал всего раз, отстрелял девять патронов, а боевой техники за все годы и в глаза не видел — только тракторы и самосвалы. В Ленинграде два месяца я и вовсе жил вольной жизнью. Первый месяц мы втроем работали в мастерских Минобороны по ремонту прицепов. Жили там же в мастерских, работали много, но были абсолютно свободны по вечерам. Тогда я весь Ленинград объездил в спортивном костюме. Никаких начальников над нами

не было, только пенсионер-охранник. Еще месяц провел под Выборгом в военном совхозе, где мы — восемь солдат — помогали на сельхозработках, зарабатывая картошку и овощи для нашей части. Жили в местном клубе, я был за старшего: ни устава, ни строевого шага. Здесь, как и в Пушкине, мы напряженно трудились весь день, зато вечерами ходили на танцы, где пользовались большим успехом у местных девиц.

Последний год я служил в Монголии: в Дархане и Эрдэнэте. Служба там сильно отличалась от того, что я видел в стационарных войсковых частях. Когда понадобилось построить железную дорогу из Дархана в Эрдэнэт, к молибденовым месторождениям в Монголии, начальство распорядилось сформировать специальный новый батальон для выполнения этой задачи. Каждая воинская часть железнодорожных войск должна была направить несколько человек из своего личного состава, по квотам, на формирование этого батальона.

Командиры подразделений, чтобы избавиться от своих «траблмейкеров»* — тех солдат, которые создавали им постоянные проблемы, — написали им хорошие характеристики и сослали в новый батальон. Я тогда служил в Вологде и сам напросился в этот батальон из-за друга, которого туда включили первым номером. Коля, парень из Брянска, был большой головной болью комбата. Хулиганистый до невозможности, завсегдатай гауптвахты, притом начитанный и толковый, он достал все начальство своими очень грамотными письмами-жалобами в разные инстанции. Писал он их постоянно, и после каждой жалобы в часть приезжала какая-нибудь комиссия с проверкой. Командир части, конечно, был в ярости.

Помню, как после очередной проверки на утреннем разводе командир, весь багровый от злости, орал перед строем: «Тут в стенгазету заметку написать некому! А этот х... — целое письмо накатал, причем аж самому министру!» Думаю, наш командир больше

* Troublemaker — смутьян, нарушитель спокойствия (англ.).

всех обрадовался строительству важной железной дороги в братской Монголии.

И вот нас, этот новый батальон, загрузили в плацкартный состав, и десять дней мы добирались до места назначения. Представьте себе поезд, в который собрали самых строптивых, пьющих, буйных, и никто не знает, кто на что способен, кто «салага», кто «дед», а впереди — десять дней пути. Притирка началась сразу же, на этот раз под стук колес движущегося железнодорожного состава. Своего нового комвзвода за всю дорогу мы видели лишь дважды: при посадке и в день приезда, уже с большим фонарем под глазом. Где он его заработал — не знаю, но было видно, что комвзвода не просыхал всю дорогу. Оказалось, что офицеров и прапорщиков отбирали почти так же, как солдат: тех, от кого начальство хотело избавиться. Правда, командиром и замполитом батальона поставили сильных офицеров, но им пришлось приложить немало усилий, чтобы сделать этот бедлам управляемым.

На место дислокации мы прибыли ночью. Вокруг голая степь, и нам предстоит в ней обустроиваться. Разбили палатки. Все пришлось начинать с нуля: и работы самим организовывать, и технику подгонять, и быт налаживать. За много километров во все стороны — никаких населенных пунктов, можно три часа по степи на машине колесить, максимум, что встретишь, — пару юрт или стадо скота, больше ничего.

В этих непростых и очень специфичных условиях жизни и работы у нас в батальоне складывались совершенно иные, нежели в обычной, стационарной войсковой части, отношения. Система поощрений и наказаний не работала. Гауптвахта — далеко, в Улан-Баторе, в увольнения ходить некуда, вокруг — дикая природа. Весь досуг — турник, брусья, поднятие тяжестей и боксерские перчатки. Для офицеров в поле стоял бильярдный стол, но лишь до тех пор, пока во время песчаной бури смерч не поднял его метров на пятьдесят и не грохнул о землю так, что тот весь рассыпался.

Внутренние вопросы обычно решались не по уставу. Наша троица друзей — Гена из Риги, Коля из Брянска и я — оказались

на вершине внутренней солдатской иерархии, хотя все мы были рядовыми. С офицерским составом мы поладили, наше подразделение выполняло свои задачи с опережением. Но требовать классических уставных отношений, какие выстраиваются, например, в Москве или в Германии, где есть хорошие казармы, нормальные бытовые условия, баня, четкий распорядок дня, нормальная еда, у нас было невозможно.

Казарм у нас не было вообще — мы жили в палатках.

Трижды наша войсковая часть перемещалась по мере продвижения строительства железнодорожного полотна, чтобы быть ближе к строящимся участкам. Каждый раз приходилось обустриваться заново. Места были удивительно красивые. Очень своеобразные пейзажи, непривычные для моего глаза: пологие горы, словно растянутые по степи, подчеркивали необъятность просторов нетронутой природы. Климат в тех краях резко континентальный, суровый: зимой до минус тридцати пяти, летом под сорок, в мае — ночью минус три, днем плюс двадцать семь. А мы — в палатках по тридцать человек, с печкой и длинной трубой, где зимой на нижней кровати холодно, на верхней жарко и все старослужащие — на втором ярусе. Летом мясо до нас не доходило, портилось по дороге, холодильников в степи не было. Чтобы не сидеть все лето на консервах, комбат позволил создать бригаду рыбаков, куда я попал из-за моих охотничьих навыков. Ночами мы ловили налимов на реках Орхон и Селенга на всю войсковую часть, а днем отсыпались. Иногда стреляли антилоп, гоняя их ночью по степи на машинах ГАЗ-66, хотя это и не очень поощрялось. Так прошло все лето.

Армия стала для меня хорошей школой, благодаря которой я приобрел бесценный жизненный опыт и серьезную закалку.

После службы отношения с армейскими друзьями продолжались недолго. Наши пути разошлись, а общение на расстоянии в те времена, без соцсетей и сотовой связи, требовало немалых усилий.

ЧЕРЕДА ПЕРЕМЕН

Лимитчик

Из армии я демобилизовался в конце декабря, под Новый год, и как раз успел домой к празднику. К этому времени и все мои сверстники, отслужив, уже вернулись в Степанакерт — друзья, одноклассники, знакомые, бывшие соседи по двору. Почти каждый день звонки: «О, ты тоже уже здесь? Надо увидеться!» Каждый день встречи — то с одним, то с другим, со всеми хотелось пообщаться. На одной из таких встреч я впервые в жизни перепил. К счастью, понял это, уже оказавшись дома.

Полтора месяца пролетели мгновенно.

Когда дембельское настроение постепенно утихло, я задумался, что делать дальше. Первым делом решил попытаться устроить свою жизнь в Москве. Поехал в столицу, поселился у сестры в Реутове. Пришел в МЭИ и увидел, что там ничего не изменилось, восстановление мне не светит. Махнул на институт рукой и начал искать работу. Приехавших, как и я, в столицу (их тогда называли странным словом «лимитчики» или, пренебрежительно, «лимитá»), заманивая перспективой московской прописки, активно приглашали на стройки, в «Метрострой», на заводы — в те места, куда москвичи шли неохотно. Москва активно строилась, и постоянно требовались рабочие руки. Газеты пестрели объявлениями: «требуются-требуются-требуются».

Вскоре я устроился рабочим в филиал ЖБК-11 недалеко от станции «Серп и Молот». Я понятия не имел, что такое ЖБК — выбор пал на него случайно. Мне хотелось пойти на стройку, но сестра дотошно изучила все объявления и отыскала предприятие,